

ДВА РОДА АКТИВНОСТИ И ЗНАЧЕНИЕ

М.И. Козлов

Логическое или реальное определение значения?

Довольно многие физические действия, например, такие как *бежать*, *нести*, *бросать*, *брать* и т. п., обходятся без участия мышления в своем исполнении и даже отвергают мышление, ибо оно разрушает действие. Возможно ли, чтобы язык – тоже действие – обошелся без мышления, т. е. чтобы значение не было понятием, а понимание, всегда обращенное к понятию, находилось за пределами функционирования языка?

Это не праздный вопрос. Он встает вслед за общепринятым разделением понятий на научные и обыденные, если принять во внимание, что обыденные понятия, по большей части, вовсе не понятия, так как у тех из них, что относятся к действиям и артефактам, нет логических определений. Для понятий же определенное отношение к логическим определениям является обязательным.

В самом деле, человек мыслит понятиями двух видов. Одну часть, меньшую, составляют «настоящие» понятия, которые, в конечном счете, служат логическими определениями понятия с их помощью. В них собрано все существенное, что по крохам извлечено из множества воспринимаемых конкретных явлений, объединенных этим понятием. Другую, все время увеличивающуюся часть понятий составляют очень несовершенные мысленные копии «внешности» того, что **делается** – действий и артефактов, – которые не имеют и не могут иметь логические определения. Ведь, то, что делается, определяется глубоко-внутренним психо-физическим механизмом, который производит в реальности (= реализует) конкретные действия и артефакты. Такой механизм есть **реальное определение** того, что делается. Именно он обеспечивает единство множества конкретных действий и артефактов. Дублировать реальные определения логическими невозможно и, главное, незачем.

Итак, могла бы лингвистическая семантика иметь дело со значением, которое делается (и следовательно, находится вне мышления, не является понятием, не понимается)? Этот вопрос можно переформулировать так. Как отказаться – не в мыслях, а реально – от понятия значения, которое является единственной данностью содержания языка, доступной изучению? Т. е. можно ли возвратиться от понятия значения к исходному значению (если оно есть), которое сначала делается, реализуется (= реальное значение) и только за тем понимается? Здесь неизбежно возникают еще два вопроса. Какое место занимает реальное значение в структуре активности человека, если оно принадлежит этой структуре? и Что именно понимается в реальном значении, которое не может быть объектом понимания?

Моя главная мысль такая. Лингвистическая семантика может ошибаться в центральном пункте, полагая, что содержания языка укоренены в понятиях – коррелятах мира, окружающего человека. Кроме окружающего мира есть еще тело человека – собственная область его активности, на которой тоже могут базироваться языковые значения. Попытка реконструировать такие значения представлена в работе.

Содержание работы

Раздел I Действия

Позиционируем основные элементы структуры активности. Активность человека распадается на два рода.

Действия 1-го рода вроде *идти*, *нести* (чемодан), *брать* (ложку), *бросать* (камень) и т. п. содержат постоянно воспроизводимые последовательности движений. Они реактивны, лишены человеческой специфики и не подлежат сознательному контролю (как говорят, не тематизируют сознание).

Действия 2-го рода, такие как *открывать* (окно), *втаскивать* (шкаф), *строить* (дом), *делать* (стол) и т. п., организованы внешним образом и не имеют собственной внутренней характеристики. Внешние образы,

организующие активность 2-го рода, составляют некий «возможный мир», не реальный, но такой, реализовать который в наших силах. Это – достижимый результат нашей активности, «достигаемый мир», который сопровождает в психике реальный окружающий мир и указывает возможные направления активности. Действия 2-го рода нереактивны – истоки их находятся в глубине психики, где возникают желания и появляются цели – и тотально управляются сознанием.

Я предполагаю, что язык может играть роль посредника, обеспечивающего безконфликтную работу глубоко расколотой структуры активности человека. Согласование двух родов действия является конечным пунктом проекта. Его началом служат понятия значения, из которых надо извлечь непонятное содержание. Для этого в разделе II я обращаюсь к словам – названиям действий, чтобы найти среди содержаний психики, которые могут быть **реально** определены, замену общепринятым значениям–понятиям.

Раздел II Значения названий действий

Начнем рассмотрение с названий действий 1-го рода, связанных с направленным перемещением (*идти, бежать, нести, вести* и т. п.). Их особенность состоит в том, что «собственно действие», т. е. внутреннее усилие, производящее активность, **соразмерно** результату действия, т. е. перемещению: в каждый момент времени есть и «собственно действие», и его результат, причем, и одно, и другое начинаются и заканчиваются одновременно. Другие действия 1-го рода и действия 2-го рода не имеют этой особенности, облегчающей рассмотрение.

II.1. Два значения *идти*. Слова вроде *идти* имеют два общие (в смысле: не связанные со спецификой действия) значения: значение «собственно действия» (*идти₁*) и значение перемещения к месту назначения (*идти₂*). Первое связано с минимальными выражениями вроде *Иди (Бежать, Нести чемодан* и т. п.). Второе – с выражениями с заполненной валентностью места назначения вроде *Иди домой (Бежать на работу, Нести чемодан в камеру хранения* и т. п.). *Идти₁* – это «моторно-некратное» значение, не имеющее временной перспективы и не допускающее малейшие нарушения в последовательном развертывании физического действия в реальности. В *идти₂* имеется четкая и может быть очень отдаленная временная перспектива. В ней происходит строго упорядоченное приближение к месту назначения. При этом, корректной номинации не мешают ни произвольные движения, ни произвольные перерывы в движении, наблюдаемые в называемой реальности. *Идти₂*, в отличие от *идти₁*, образует вполне содержательные видовые оппозиции. *Идти₁*, в отличие от *идти₂*, находится в оппозиции к детерминативу *ходить*.

II.2. Значения *идти* и представление. *Идти₁* и *идти₂* не могут наблюдаться и их нельзя помыслить, потому что они противоречат правилам устройства окружающего мира. Ни собственно действия нельзя помыслить в отрыве от их результата, соответствующего перемещения. Ни перемещение нельзя помыслить без собственно действия, результатом которого оно является. Оба значения могут относиться только к **представлению**, к специфическому «внутреннему видению» в отсутствие внешнего восприятия.

Специфика представления позволяет дать двум значениям другое определение, которое отчасти «снимает» зависимость признаковой характеристики от исходной группы действий: *идти₁* и *идти₂* являются результатом разложения наблюдаемого сложного движения *идти* актом представления. Поскольку *идти* содержит два разные «порядка» изменений, в представлении (которое должно **активно** поддерживать «порядок», в отличие от **пассивного** восприятия *идти* в окружающем мире) каждый «порядок» становится самостоятельным.

Теперь можно обобщить значение₁ и значение₂ на названия действий 2-го рода вроде *открывать* (окно), *строить* (дом), *загорать*, *успокаивать* и т. п. Их признаковая характеристика будет почти полной противоположностью признакам таких слов как *идти*. Определение их значений посредством двух «порядков» изменения является содержательным (хотя у действий 2-го рода «порядки» несоизмеримы, в отличие от *идти*). Одно значение определяется порядком исполнения действия, другое – порядком осуществления результата. Каждый «порядок», возникающий путем разложения сложного действия 2-го порядка, лишен парадоксальности, присущей *идти*, потому что действие и его результат **несоизмеримы** в том смысле, что никогда заранее не известно, в какой момент одно приведет к другому. В этом случае, «действие без результата» осмысливается как «попытка» (т. е. так называемое конативное значение), хотя, по существу, это тоже самое *идти₁*.

Раздел III Ядро действия и значение

Активность любого, в т.ч. простейшего, организма с определенными реакциями базируется на устойчивой «внутренней форме» активности, которая существует независимо от наличия или отсутствия реальной активности.

III.1. Что такое «внутренняя форма» (или ядро) действия? Если толкнуть предмет, он подвинется в направлении действия силы настолько, насколько это задано устройством окружающего мира, физическими законами, регулирующими устройство мира. Реакция организма на толчок определяется не устройством мира, а внутренней структурой активности, опытом взаимодействия организма с окружающим миром,

«собственного» опыта управления телом и господствующей установкой организма (питаться, искать пищу, спасаться от опасности и т. п.). Никогда не прекращающиеся воздействия на организм должны очень быстро приводить к возникновению фиксированной «формы» (=ядро), в которой бы накапливался опыт эффективных реакций на множество разнообразных внешних стимулов. Иначе организм в критический момент, вместо того, чтобы немедленно реагировать, был бы занят поиском подходящей реакции на воздействие.

Очевидно, что ядер должно быть столько, сколько устойчивых групп образуют разные реакции, объединенные определенной установкой организма. Каждое действие 1-го рода есть такое ядро. Только наличие ядра делает понятным, почему, например, желая взять стакан, мы не погружаемся в перебор необходимых для этого последовательностей, содержащих огромное количество внутренних актов с разными результатами, а реализуем только одну последовательность, которая сразу приводит к нужному результату.

III.2. «Аддитивное» действие и «неаддитивное» значение. Наблюдаемое действие и его представление не совпадают со значением в следующем существенном отношении. Наблюдаемое действие и представление аддитивны, т. е. они образуются путем прибавления элемента одного типа (во всяком случае у действий 1-го рода, связанных с направленным перемещением). Чем больше таких элементов, тем дольше длится действие. Напротив, соответствующие им значения «неаддитивны»: в значениях, и в одном и в другом, отсутствует идея накопления элементарных актов в развивающемся действии. Они тоже развиваются, но как-то по-другому, не путем присоединения все новых элементарных актов. Т. е. для корректной номинации нет необходимости в количественной характеристике накопления. *Идти₂* не становится «более полноценным» от того, что оно продолжается несколько часов, а не несколько минут. С *идти₂* совмещаются самые разные показатели длительности (два часа / целый день и т. п.), но их присоединение к *идти₂* никак не изменяет собственную длительность *идти₂*, ее «внутренний» характер. Неаддитивность делает бессмысленными вопросы типа: Сколько раз надо *шагнуть*, чтобы *идти*? Один раз? Десять раз? Сто раз? Нам не нужна определенность в этом, чтобы корректно употребить *идти*, потому что развертывание действия в значении управляется неаддитивным механизмом. Другими словами, значение действия оказывается более сложным, чем его восприятие, и потому попытки базировать значение на окружающем мире в этом случае заведомо несостоятельны. Объяснение действия находится внутри, а не снаружи организма.

III.3. «Ядро действия» и «порядки» изменения. Следующий шаг заключается в редукции «порядка», который иначе должен пониматься как коррелят наблюдаемого движения. Акт представления не только активно поддерживает один или другой «порядок» движения, но и должен организовывать, непрерывно воспроизводить его развертывание во времени, не прибегая к восприятию движения.

Я полагаю, что значением названия действия служит образование, аналогичное ядру действия и, может быть, гораздо проще его, т. к. требования к ядру действия в значении неизмеримо ниже чем в системе активности организма. Ядро может или анализироваться, и тогда в представлении возникает «внешность», сопутствующая внутреннему усилию, или синтезировать результат внутреннего усилия, и тогда в представлении возникает направленное перемещение, суммарный результат внутреннего усилия. Неаддитивное значение₁ получается в том случае, если, вместо соответствующего порядка движения, тот же порядок мы получаем путем мысленного анализа «ядра действия». Мы как бы мысленно проигрываем данное действия, выделяя в этом «ядре», один за другим, его элементы. Сколько мы их выделим, не имеет значения, потому что решающим здесь является само анализирующее движение мысли, направленное на «ядро действия». Так же в значении₂ нужный порядок получается синтезом «ядра действия». Сколько этих «ядер» оказывается включенным в синтез опять же не играет роли, поскольку решающим является сама синтезирующая направленность мысли.

Мысленный анализ или синтез «ядра» фактически не зависит от специфики действия. Все, что требует внутреннего усилия (а его требуют все действия), и все, что имеет результат (а его имеет любое действие), приводит к систематической двусмысленности названий действий.

Заключение: О понимании

Отметим главные особенности предложенной реконструкции.

1. Язык может быть посредником в переходе от активности 1-го рода к активности 2-го рода. Т. е. развитие системы активности могло бы идти таким путем. Сначала организм имеет только репертуар «врожденных» действий 1-го рода. В системе языка все действия 1-го рода расщепляются на собственно действие и результат. «Результатное» значение позволяет спроектировать «достигаемый мир» – основу формирования действий 2-го рода.
2. Язык может функционировать вне системы понимания. Рассмотрим этот пункт подробнее.

Значение и представление. Представление несовместимо со значением выражения в двух отношениях:

- представление всегда полностью определено, иначе его нельзя было бы «увидеть», а значение должно сохранить неопределенность, свойственную выражению;
- в представлении не остается следов языковой структуры соответствующего выражения, а значение всегда должно следовать ей.

В самом деле, возьмем, например, выражение *Стол стоит у окна*, описывающее известное положение вещей. Это выражение вполне осмыслено, при том что, как соответствующая «картинка», оно неопределенно. Определенность появляется только в результате его понимания. Так, чтобы представить себе содержание этого выражения, надо мысленно существенно доопределить его. В том числе нужно определить предметы *стол* и *окно* сами по себе, определить взаимное расположение определенных *стола* и *окна* относительно друг друга, а также, все остальные вещи и отношения между ними – *пол, стены, потолок* и т. п., – о которых не идет речь в выражении, но которые, тем не менее, совершенно необходимы для определенности представления. Естественно, что после такого существенного доопределения в представлении не остается никаких следов структуры исходного выражения.

Об искажении значения в лексикографии. Получается, что лексикографическая традиция дважды, существенно и неконтролируемым образом, приводит к искажению значения выражения. В первый раз – когда выражение понимается и представлению, по необходимости, придается полная определенность, несвойственная выражению. Во второй раз – когда это представление описывается и снова становится неопределенным в разных отношениях, как это свойственно любому языковому выражению.

Осмысление и понимание. Из сказанного следует, что понимание выражения, создающее представление его содержания, не может быть единственным механизмом «усвоения» читаемого или слушаемого фрагмента текста, потому что понимание разрывает связь с выражением.

Понятое языковое содержание всегда превращается в полностью определенное представление, в «картинку». Это необходимо для самой возможности представления и обеспечивает органическую связь представления с личным опытом, но делает совершенно невозможным возвращение к понимаемому выражению. Чтобы не рвалась связь с выражением и мы не «проваливались» каждый раз в настоящую бездну личного опыта, необходимо **осмысление**, которое удержит нас на ее краю. Осмысление сохраняет связь с языковым выражением и **противостоит** обширному массиву личного опыта, «релевантному» этому выражению, и т. о. балансирует на краю активизированного им опыта. Пока выражение не понято, оно осмысляется. Как только его поняли и разорвали отношение с выражением, оно (тривиальным образом) становится недоступным для осмысления.